

земли, мама выращивала огурцы, но они погибли от заморозков, помню мамин плач-вой.

Ходила она работать в колхоз, постоянно или периодически по надобности в дополнительных руках, не знаю. Мы были брошены. Старшие дети с подружками переплывали не большую речку и играли на другом берегу в тайге, а я сидела одна, пока не решила научиться плавать, два раза почти тонула, но выплывала сама, пlying по-собачьи. Сёстры даже не видели этого.

Помню, как мама рыдала после получения похоронки. Когда освободили г. Курск, в начале зимы 1944 г. мы выехали домой, в Курск. Ехали в теплушках 3 месяца. В дороге нас обворовали. В вагоне был тусклый свет, возможно, светил всего один фонарь на весь вагон. Прямо на полу мы занимали с вещами немного места. В начале апреля 1944 г. мы приехали к бабушке и дедушке (родители мамы) в д. Тутово. Я заболела корью, пришлось бабушке завешивать все окна, что бы я не ослепла. Семья увеличилась до девяти человек. Как нас бабушка прокормила в это лихолетье, не знаю.

Еды всегда было мало, но неукоснительно были: завтрак, обед и ужин. Но однажды я не пришла во время на ужин, пришлось спать голодной, не дали даже куска хлеба. Вот такая была школа жизни.

Дочери Н.Ф. Тутова: Лидия, Зоя и Людмила (автор письма)
(слева на право)

У бабушки мы прожили год. Весной 1945 г. дед по папиной линии, под напором властей отдал нам амбар 4х4 метр. Председатель колхоза и председатель сельсовета дали колхозников, те разобрали амбар и перевезли на выделенную нам усадьбу, поставили, накрыли соломой, всем народом гуртом